

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. БАЛТИЯ

Юрис Куннос

БЕРЕСТЯНОЙ ГРААЛЬ

Юрис Куннос Берестяной Грааль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051269

*Берестяной Грааль:
ISBN 978-5-91627-150-8*

Аннотация

...И в ритме, переключающем сигналы светофора – красный-желтый-зеленый, – с внезапной, ошеломляющей простотой я понял: Куннос-есть-Время; неумолимое, щедрое, неподкупное, игривое, вялое, быстротекущее; не допускающее никаких исправлений, подчисток и подтасовок время – чистовик!

Содержание

Проза для Майи Силмале	6
1993 – 1999	7
«поколение новых волков в кровавом угаре...»	7
«ты слегка раскоса и бровь как шрам...»	9
«и мы идем по улице Стрелниеку...»	10
«последняя водка года...»	12
«как я могу рассказать чудеса о...»	14
«будь это так беззаботно легко...»	15
«Попробую как наивист...»	16
Целый год	17
«две с половиной радуги в небе осеннем высоком...»	18
Темносладко	19
Взгляд со стороны	20
Достойно кисти	21
Сильный ветер с утра	22
Стихи о сладости азарта	23
Стихи о последнем понедельнике сентября	24
«Утром рэкет на Югле. С нищего что спросить...»	25
Старинная кельтская музыка для арфы	27
«Хей, Ото! Как тебе в день ангела спится...»	28

«То, чего я не знаю про Землю...»	29
Остров в Эгейском море	30
Стихи о пестром времени	31
«войти в Храм это задание...»	32
Макаронный вестерн	33
Стишок, написанный этим утром	34
Хорошенькой девушке возле памятника	35
Фрески Джотто уцелели	36
«Ангельский хор перебивает все прочие...»	37
«Броня неведения серо-белеса...»	38
«сон наяву но глаза плотно закрыты...»	39
«давай собирать разноцветье небес...»	41
«персидский-то тот ковер оказался ковром-самолетом...»	42
«мы сидели в «Венеции...»	44
«“Ты сбежал?” такой вот вопрос...»	46
«итак до полной ясности полчаса...»	47
Стихотворения при свете свечи	49
1	49
2	50
3	50
4	51
5	51
6	52
7	52
8	53

9	53
10	54
11	55
12	55
Вольно-плавно	56
«skål! дни катятся всё больше стороной...»	58
«утром деревья за переплетами окон...»	59
Романс	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрис Куннос Берестяной Грааль

Проза для Майи Силмале

Мы разделили твои альбомы и записи.

Твоих тетрадей со стихами не взял никто.

Не знаю, куда делась платья.

Рига изменилась, много нового, ты не поверишь. Война не началась ни в том году, ни в следующем.

Еще волна, с заката на восход, восходит, катится, к твоим следам привычна, к стопам прищучена; в полдень здесь гуляют рассудительные чайки; под твоей у цыган из Слоки стрелка с Богом. Есть дрова, есть ракушка, есть ваза; есть большая лодка, вытесанная мечами.

Юный Клав теперь поэт.

Твоя дочь в разводе.

Ты не поверишь, Юрис Куннос теперь поэт.

Улдис Берзиньш. Proza Maijai Silmalei (1981)

1993 – 1999

«ПОКОЛЕНИЕ НОВЫХ ВОЛКОВ в кровавом угаре...»

поколение новых волков в кровавом угаре
что ты плачешь и что ты все тянешься к выпитой чаре
лучше вытянись в струнку и с ними беги глядя в оба
снова месяц носат и рогат воем стаи гонимый
ты в русалочьем бархатном свете проносишься мимо
гроба сугроба гроба сугроба гроба

у волков и клыки есть и зубы что видимо клево
мы застыли как свайный фундамент а дело-то плево
поезд волком кружит нет волчком на самом-то деле
только ты человеке не в масть и не этой породы
что конечно понты по сравнению с вечной природой
да к тому же славно сбиваешь коктейли

волки сгрудились в кучу хвостами сплелись будто в
сказке
ищут брошенный плащ приближаясь к кровавой развязке
когда в утренней мгле от стволов вороненные тени
вот рассеется дым но флажки лишь подымутся выше

ты вернувшись обратно в свой миф спиною услышишь
пенье сопенье пенье сопенье пенье

1993.24.IX

«ТЫ СЛЕГКА РАСКОСА И БРОВЬ КАК ШРАМ...»

ты слегка раскоса и бровь как шрам
губы вишневые полуоткрыты и клейки
раскованные штучки выдаешь за монашеский шарм
чужим ощущениям чинно натирая коленки
цепь предчувствий наматывается на ура
лес в отношении нас непредубежденно дивен
день детерминирован но вечер сведет по парам
и в этом я предощущаю звено серо-синий ливень
у той что слегка раскоса веко дрожит как больной
компьютер
вишневые полуоткрытые сладкие темно-красные
из нее получится нежный и ласковый зверь
и в самом настоящем соку ананасовый кактус

1993.15.X

«и мы идем по улице Стрелниеку...»

и мы идем по улице Стрелниеку
в полусумраке как фантомы
от асфальта и до асфальта булыга
слизко
таки не брусчатка
даже не шведский лососевидный колотый но все-таки
может все-таки в этом варианте бреда я один
со свертком в левой руке а в нем на обмен пустой фолер
к Зинке бреду за круткой
за 50 сантимов
(пусть их! кому там приходится круто)
знаю в курсах в
парке совещание
сегодня уже одна или же один
сегодня уже причащались
соотв. холодные пятки, откиннутые копыта, на веках
монетки
(пристреленных лошадей курирует д-р Боткин)
в полусумраке как фантомы
стопарик у меня в кармане пробочка всегда наготове
от асфальта и до асфальта слизкая булыга искрится
как Лета или как Стикс
и мы идем и идем вверх по Стрелниеку
фантомы за нами тащатся вниз

1994.16.VII

«ПОСЛЕДНЯЯ ВОДКА ГОДА...»

последняя водка года
сладкая мятная «южная»
жалко закусь горчит по ходу
тротуар декорирован лужами

тьма на убыль и это зачетно
жалко телефон отрублен
разговора! советчика! к черту
кто из нас данномоментно гоблин

продавщица – простая душа – мол – кто же
ба, вас тогда не случилось на свете
луч смеха снимет с луковицы девятую кожу
луч смеха сможет исключить «нет»

ведь славные биндюжники с Молдаванки
кефаль под «южную» прикусывали как-нибудь
выучись жизни сладкой
при случае горькую тешить губу

не диво, что обнаружилась пастельная оба-на
женка последняя с берега Понта Эвксинского малость
мы медвяный вереск под звездами Севера
сиреневая мятная под звездами Юга через
// край бокала переливалась

«как я могу рассказать чудеса о...»

как я могу рассказать чудеса о
скверной поро когда ветер бичом
сбривает желтые листья с дерев
причем хоть и высок неба свод
но сер как песок что может быть
чудеснее скверной поры разве
что наша пора и куст барбариса с
его красными ягодами повезло
сегодня пора перемен и небосвод
неприменно заголубеет светло Аква-
мариночка

1995.26.IX

«бУдь это так беззаботно легко...»

бУдь это так беззаботно легко / но Там сквозь
свинец стынь едино теплым смешком / но ветрА
ветрА спугают кудель плавно сойдут на нет
и наконец / солнце сегодня не наше но со вчера
инка-ацтекское / но сегодня я доверяю только и
только лишь и только лишь и только единст-
венно дринкам / хей! Коноплянка ай! Андрита
сосульки эй сосульки поет капель / будто так
беззаботно легко / сотвори солнце! в ту серую
быстроблеснувшую щель / (велю себе: снять
вторую, третью и седьмую печати) / знаю мигает
мигает моргает и мерцает / и нет ничего проще
простого но и тяжелее тоже нет / а в Валлонии
обломок скалы подминает «форды» / привет
мы в Шестой палате лордов / и все совершается
здесь и сейчас / 7-е путешествие Синдбада
и курши Ньюфаундленда 1200 лет тому
назад / и вроде тех партийных ячеек все
вместе пыльные голоса «да да да да да»
я рад и не против

1995.19.X

«Попробую как наивист...»

Попробую как наивист.

Люксембургский сад в Ленинграде.

Югенд. Торсы. Скамейка. Апельсиновый бриз.

Прогулки по облакам. Да, к ограде.

В кустах полосатый тигр настоящий.

Жан-Жак Руссо? Да нет, он Андре был.

На Неве пароходик, с дымком курящимся
алый шарик взлетает в небо.

На прогулке матрос. На шпильках гуляет дама.

Ножка, скользко. Каблук, беда.

Кто на скамейке, знаю. Туда бы.

У кустов и в кронах листва зелена как тина.

Тигр прячется, ерунда.

Стоп. Лыжи у печки. Конец приволью.

Сахар-рафинад тоже наивист.

Нравится ли вам лимон с солью?

Югенд. Торсы. Скамейка. Апельсиновый бриз.

P. S. Матрос за новой туфелькой двинул.

Целый год

так в тучах искрят стожары
и липовый дух нагл и крепок
и в копоты шинопожаров
щека и над правым веком

за легкий шаг за шаг приглушенный
за скованный приглушенный за не спеша
но все-таки

Кубышечка

шаг шаг шаг

на небе в зареве или в хмари

щека и над левым веком нет гари
и птиц перелетных ртутное марево

на небе в зареве

1996.5.III

«две с половиной радуги в небе осеннем высоком...»

две с половиной радуги в небе осеннем высоком
словно бы семицветик там наливался соком

позже январь завалит радостный скрипы стоны
всякая тварь под снегом волки и овцы тонут

фуга в каминном зале да черенков морзянка
чугунная сковородка медный таз жизнь жестянка

скорость горит как море всеми красками спектра
к сладкой молочной луже подкрадывается вектор

журавль открывает танцы фату надевает цапля
на пол стакан соскальзывает не проливая ни капли

1996.28.III

Темносладко

Между прочим, год девяносто шестой на Земле.
Между прочим, пилоты из Филадельфии второй (?)
десяток лет на крыле.

Мне, между прочим, нравится. Когда лососину и ананас
несут в прозрачном желе.

Россия, Лета, Лорелея.

Flyers. Так и только так.

Лиепая, форты и флаг.

Так и дома местами дичайшими горчайшая наша дорога,
и духи дома питаемы нами немного,

за что они нам напевают

нежно и темносладко.

1996.2.IV

Взгляд со стороны

Во даем! По курочкам и по колбаскам.
(В колбасках я не участвовал.)
Дым курящийся и жиринки шипящие.
В кустах полосатый тигр настоящий.

Поблизости есть подобье кургана.
Особой силой фонит это место.
Во даем! По курочкам и по колбаскам.
Глазами помаргивая, но без опаски
мы потушили костер и сердце.

Усадебка. XVIII век. Словно пряничная раскраска.
Апельсиновый бриз. Соната. Крикет. Прелюдия.
Вижу море и белый мазочек на нем. Фактура.
Красивое название усадебки. Бонавентура.
Ты звучишь счастливой мелодией.

1996.16.VIII

Достойно кисти

В уютном дворе на скамье.

Кусты сирени, коты, рубашки отжаты, блузки и лифчики.

Музыка Иманта за забором сулит мне

август, в котором всё, что хочешь, может случиться.

Югенд. Соседний двор, дети. Скамья согрета,

слежу за игрой. Гризинькалнс рядом. Латышский элемент.

Скупая слеза. Я ее газетой.

Жду звонка, что обойдется без «нет».

Ремонт на пятом этаже. Пахнет столярным клеем.

Небо высоко, но ощущается каждой жилой.

Гризинькалнс рядом. Что еще сказать? Ни о чем не жалею.

«Отчего не зашел за мной?» – Гунта. Ну не сложилось.

В уютном дворе на скамье.

Карандашная графика. Изысканно строго.

Кошка умывается. Ребенок глазееет.

В небе улыбка Бога.

Сильный ветер с утра

Вроде все позабыто. Лишь след до сих пор прохладен.
Дождь смывает все следы. С остальным сами сладим.
Трясогузки клюют по зернышку. 6 баллов волны.
Стропила вдруг стали вантами. Полночь.

Тьма. И я рисую фантазию.
Через SOTHEBY'S она отправится в Азию.
В салатных комбинациях музы кругом порхают.
Дождь и ветер. Не сахарные, не растают.

Ветер наглет навстречу.
All You Need Is. На встречу
с судьбой поспешает кочевник.
Ритм рван, нос испачкан. В харчевне

дух бараньей похлебки, вина, чеснока.
Сюда заходят в поисках закутка.
Алюминиевая плошка с дольками апельсина.
Чаша полна. И ветер. С утра слишком сильный.

1996.18.IX

Стихи о сладости азарта

Причаститься можно повсюду.
В церкви, в избе, в Мазирбе, в Мазсалаце.
Главное:
совибрация.
Чудо.

Юрмала. Дюны, перелески и Саулкрасты,
фуникулер лунных бликов, т.е., переправа.
Луч локатора ловит отчаянных.
Причастие нон-стоп. Слава!
Сентябрьским сумеркам! Угарным ветрам, балласту
и китайскому чаю!

Христово тело воскресным утром. Глоток кагора.
В понедельник с изюминками грильяж.
Или с орешками, но время пойдет еще в гору.
Надеюсь, примется. Сладость азарта.
Мираж.

Тем не менее, музыка сфер в извилах корней.
Если можно назвать поэзией то, что мне снится,
это – алиби, невиновность. И мы с тобой не
более чем нарушители границы.

Стихи о последнем понедельнике сентября

Он красив, несмотря на свой 3-й тип.
Он красив, когда вспыхивает в сети.
Он красив, мне так захотелось.
Ты можешь называть его всяко. Но не
в том дело.

Ars longa. Vita brevis.

Он красив, несмотря на свой 3-й тип.
Он красив. 50 сантимов в горсти.
Он хорош, так мне захотелось.
Лучок, бурачки и картошка. Вспыхивает
в сети.

Пропитываю вольтами тело.

Он хорош, несмотря на метеовести.
Берега Двины там.
На часах еще нет и шести.
Господи, оставь нашу ношу нам.

P. S. Он хорош, а Ты шахматна.

«Утром рэкет на Югле. С нищего что спросить...»

Утром рэкет на Югле. С нищего что спросить.
Дохламал до музея. Дверь в сарай заперта.
Не хочу больше ни желтые листья мести,
ни стихи читать.
В коричневой сумке красное Бордо 1994
и стрелки часов как в тире.

С утра всё чаще хочется спать. Бессонница
на семи ветрах.
Пятнистые псы в парке. Блюз на сваях.
Уличные музыканты. Горько, свадьба.
По-прежнему увядшая охра в вазе. Ручка
отбита и не заживает.

Оказывается, солнце. +15°.
Немного больше, чем у Бордо 1994 11,5.
Люксембургский сад в Ленинграде.
Кто на скамейке, знаю. Придвинусь.

Утром рэкет на Югле. С нищего что спросить.
Разве что на асфальте в классики, три-пять.
Удержать в пальцах чашечку, Чайна-сан-суси.
Чудо ниоткуда. Может, все-таки взять и

СТИХИ ЧИТАТЬ.

1996.3.X

Старинная кельтская музыка для арфы

То ли подруга Тристана, то ли ангел пел песню.
Берег Святого Патрика, шум прибоя окрест.
Круглый стол и чертова дюжина кресел,
от одного к другому огненный крест.

То ли ангел пел песню. Так одиноко.
Король Артур и дюжина рыцарей за круглым столом.
Пареньку на вытянутую руку садится сокол.
Куда захочешь, туда пошлем.

Сад камней на лугу. Белый конь, черный бархат.
Корнуэльский принц взбивает двойной дайкири.
Только музыка древних кельтов для арфы
в целом мире.

Бритоголовая Шинейд. Ночная эстрада.
Просто папа был напрасно обижен.
Старинную кельтскую музыку слушаю как награду.
Нежный берег Святого Патрика. Флаг неподвижен.

«Хей, Ото! Как тебе в день ангела спится...»

Хей, Ото! Как тебе в день ангела спится?
Я тут привираю немного.
По волнам, по серым овечкам пастыря ветра
тропица
в заозерье. Филя и дорога.

Смех, смех и еще раз смех. Мой бег.
Слава Богу, травы нас не достали.
Дали. У всех у нас один и тот же снег.
Над костром и над Плескодале.

Смех, смех и еще раз смех. Ковчег.
Хочешь поставить парус.
Аллея Лайсвес, Каунас. У всех у нас один снег.
Зато под ним пышет, жаром и угаром.

Жаль, если бесследно сгорит все это.
Хей, Ото! Что тебе в день ангела снится?
Видел фото ангелов, сделанные из окна самолета.
Незнакомые лица.

«То, чего я не знаю про Землю...»

То, чего я не знаю про Землю
я знаю про Небо
22 ноября как водится трам-та-та-та
в 9 утра, в полном аут(бус)е
кручу головой направо налево
клево умеют же подобрать цвета!
желтый справа фиолетовый слева
алый отсвет весна или осень
вся небесная и земная палитра
ангелы нежноголосые в титрах
алея, высыпали искрящие строчки
за окном аллея, в ней на эмаль
высыпали голуби, набухли почки
я знаю про Небо
оно сегодня нежно нежно унд нох-айн-маль
нежно-голубое

1996.22.XI

Остров в Эгейском море

Я там не был. Могу отыскать на карте.
Конечно, там делают вина и цедят ракию.
Конечно, там в моде сиртаки под южными звездами
яркими.
А вот хитонов не носят.

Я там не был. А там прожорливы козы.
Валуны там раскиданы словно игральные кости.
Там изумрудное море. Шоколадных и сливочных
мотыльков
Расклеены пестрые марки.

Шесть букв голубая аура.
Я там не был.
Нежатся на солнце моллюски и барки.
Да иногда виден парус.

Р. С. Кто ищет, находит, Яники.

1996.28.XI

Стихи о пестром времени

Это так, внутри.

Опавшие листья пестры. Ты их собери, собери.

Неверно. Ведь собран чемодан, ждет у дверей.

Очаг? Солнце, а западней море.

Мадригал человеку, который некогда был всех
сильнее на футбольном поле, при этом всех
слабее за его пределами (надо бы успеть записать).

Улица Суворова Мариинская Чака в самом
конце 60-х, где лунатический Эрик Пестрый
бродил с барабанными палочками, облёс-
кивая ритмы, собачью будку, Ригу и Вселенную.

Такие письма мне, дорогому, писала Рига, в Митропу
утончен-

ному слала оккупанту.

Если хочу, то умею ходить по волнам. Бриг.

Let it be! Да станет так!

Автобус и суррогат шубки сегодня утром.

Пестрота – это ведь рыбий каприз?

Пестрое лезет в глаза, чешуйками из перламутра.

Югенд. Цветы. Скамейка. Апельсиновый бриз.

«войти в Храм это задание...»

войти в Храм это задание
тем более до восьми утра отбой
такое вот особое Здание
в наличии и всегда-с-тобой
на Бога не стоит делать стойку
как на девушку или стаканчик
за Собором обитает прекрасная сойка

и я люблю одуванчик

1997.8.1

Макаронный вестерн

Говорит балерина: давай возьмем банк.
Поедем после этого в Рим.
Говорит балерина: кругом бардак.
На небе тучи, цветы наскучили и вообще всё мимо.

Хочется есть, нельзя: жир, смотри.
Если что, я вытащу тебя из зоны.
Поедем после этого в Рим.
Свои золотые волосы навью на мрамор колонны.

Мы с тобой сольемся будто припев и куплет.
Лестница в небо, и никому не обидно.
Бонни & Клайд. Случается же хеппи-энд.
Давай возьмем банк. Ну а там будет видно.

На зоне не так уж плохо: свобода пасться,
горячая пицца, теплая компания.
Главное: не сбегай с миллионами, вытащи меня.
Такой, значит, у нас диалог. Неопостромантизм.
Поставлю-ка свечку за Мастрояни.

1997.21.1

Стишок, написанный Этим утром

Я в домоуправлении, ожидаю приема.
Кошки скребут, но не в марте, а на душе.
Впрочем, как водится, держусь фасона.
Пока всё хорошо.

Брызги-блестки. Песок в часах. Мост к месяцу.
Пони-Шапочка, Ты не ведаешь всего, да, в общем,
ничего и не стоит ведать.
Американцы проживут на Луне целый месяц.
Мне нравится, когда народу весело.

Рубикон позади. Малый Млечный тоже.
Надо собрать все чувства в кулак как-то.
Начнется новая аура. С новым сиянием в глазах. По коже
бегут брызги предпоследних лучей заката.

Р. S. Прости, что такой щемящий.

1997.17.VI

Фрески Джотто уцелели

в Умбрии землетрясение но фрески Джотто уцелели
алтарь Франциска из Ассизи также

смирение обильно вознаграждается

«нищ был я на этом свете – сказал поэт – нищим буду и
на том

с той разницей что каждый кто был силен здесь там
даст мне по оболу»

само собой

амброзия с нектаром перед глазами и умбра

в небесах горлинки и кленовые листья парят красиво

не знаю это головотрясение или гейзер из серого
вещества

впрочем ВИВА!

ведь и слезы на лицах фресок суть бледные янтарные
линзы

и каждый идущий мимо даст мне по оболу
само собой

1997.30.IX

«Ангельский хор перебивает все прочие...»

Ангельский хор перебивает все прочие
стихи для Тебя не идут нисколечко

гляди какой красивый у меня почерк
это от водки из березовых почек

Третий Адвент

Он грядет

с ним явятся трое чудаков положе с востока

но

Ангельский хор соткан из прелестнейших облаков

вижу Тебя там где хочешь быть
все происходит никто не забыт

1997.10.XII

«Броня неведения серо-белеса...»

Броня неведения серо-белеса
сбиты дождями сера и сажа
между пунктами А и Б перекресток
здравствуй, грусть! на часах бессменная стража
с яркой саблей и сбруей ременной
Ты ведь чтишь служение отчизне
о, неведение! лучи лица Твоего я распознаю за краем
вселенной
на часах бессменная стража
воздержание норма жизни

1998.15.1

«сон наяву но глаза плотно закрыты...»

сон наяву но глаза плотно закрыты
большие деревья может платаны
стриженный пудель точно из цирка
в глазах искрит вдали тени пьяные
иной пес ест с рук да и щеки лижет
иной раз будто шарманка и красные вина
стихи под настроение суденышко ниже и ниже
шахматна твоя юбка украшен шрамами Арлекин
открою один глаз я там где и был прежде
большие деревья может платаны
ко мне неспешные ограда отрада и прохлада
в феврале именины у Дины и Дианы
иной пес дарит блох да и щеки бреет
красные вина в стаканах а деньги что мыло
да что уж там если к Ботани-Бей
проводят суденышко динго и коалы
шахматна твоя юбка-скотч твои веснушки-айриш
неспешен мой сон наяву на веках лежат монеты
бессвязно сменяются кадры сердце как стриж
платаны тени пьяные
иной пес щеки лижет доверчиво
режиссер ушел забыв гуттаперчевого Арлекина
это тот случай когда затихает ветер

храм креста кровь красные вины

1998.18.1

«давай собирать разноцветье небес...»

давай собирать разноцветье небес
и падающих звезд
сюжет не важен но цвета́ это всё
жаль что их не видит шакалоголовый Анубис
(а на том седьмом цвета́ красной ржи
Твои ресницы из золотой ржи)
давай собирать разноцветье небес
и падающих звезд

1998.18.1

«персидский-то тот ковер оказался ковром-самолетом...»

персидский-то тот ковер оказался ковром-самолетом
колокольчики звенят привязаны к бахроме
тканые райские птицы оживают внезапно
проснулись в танце священные письмена
музыка не слышна но рисунок понятен
колокольчики звенят привязаны к бахроме
падшие ангелы оступаются в попытках подняться
проснулись в танце священные письмена
солнечные лучи щекочат решетку гарема
колокольчики звенят привязаны к бахроме
кривые мечи высекают из туч имя зятя пророка
мечутся в пыли бесноватые «шахсей-вахсей»
нефтяные потоки удерживают ковер в свободном паренье
воздушные потоки удерживают ковер в свободном
паренье
дыхания пери удерживают ковер в свободном паренье
«не пей вина ибо первая же капля тебя погубит»
делаем так первую каплю отпустим обратно на землю
вторую с третьей делим с первым встречным Аллах
всемогущ
рахат-лукум кишмиш суджук ачма
там внизу паранджа под нею сама Фатъма
клянуся райскими кущами

1998.19.1

«МЫ СИДЕЛИ В «ВЕНЕЦИИ...»

мы сидели в «Венеции» / с видом на Альма-матер
и рассуждали какие специи / придали бы сушеным
мухоморам аромата

просвечивали сзади колонны / направо Белого дома
палаты / каналом плыли понтоны / и мы были слегка
поддаты

ибо воздух что мы пригубливали / и кагор дурили
нашего брата / ладья преисполненная публики / гуднула
нам от деканата

и сумрак нежный как суфле / уже предлагал
шоколада питье в своем роде хмельное / для ацтекских
аристократов

с утра конечно шампанское / тартинки канаве
адекватно полиция муниципальная / настроена была
непредвзято

ладья прогудела резко / швартуясь к своим канатам
мы сидели в «Венеции» / кагор был континуален и грата

ладья гуднула в последний / были столы богаты
Епископскими воротами сумрак / по Вецриге прыснул
куда-то

джинсовые тинейджеры / облепленные пивной ватой /
визжали и хрюкали бешено / поминая мать мухоморы и
аттестаты

закончим мы нотой отрадной / «Венеция» и наша
столица / противовес эфирному саду / достойных Тебя

Соколица

1998.20.1

«“Ты сбежал?” такой вот вопрос...»

«Ты сбежал?» такой вот вопрос
что ж я польщен
мог бы сбежать откуда угодно даже
с острова Алькоатрас
только от себя нельзя убежать
тени не поймать и еще

«Ты сбежал?» лучший вопрос из всех что
мне задавали
помнится фильм Микеланджело Антониони
спрашиваемый девушкой без имени Дж. Ни-
колсон «от чего он бежит?»
говорит «повернись спиной»
а там Андалусия шоссе тенистая аллея
одно из самых лучших небес что я сумел
пережить
«Ты сбежал?» балкон
солеа!

1998.24.1

«ИТАК ДО ПОЛНОЙ ЯСНОСТИ ПОЛЧАСА...»

*МНОГО ЧЕСТИ
МНОГО ЛЕСТИ
МНОГО МЕСТИ
ТЕПЕРЬ
МОЖНО ПРИСЕСТИ
ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ
С БОГОМ!*

итак до полной ясности полчаса
и так эти вороньи и воробьиные небеса
нет не неоновый сполох в море дымов
Nevermore! заполошный крик в чердачном окне
ворохтается на глубине
где запечных дел мастер печет в золе
(подовик по-русски попросту хлеб)
черти любят когда трещат сучья
иначе их жажда мучит
до полной ясности полчаса
(только побудки не различаю, стоп, различил)
на другом конце города перекликаются каланчи
Шампетер Плескодале Бебербеки
МНОГО РЕЧИ

let it be!

да эти вороньи и воробьиные небеса
(когда хочу того
голубиные)

1998.6.II

Стихотворения при свете свечи

1

«Саунд Матвеевской улицы ночью...»

Саунд Матвеевской улицы ночью:

электроны гудят в проводах, капля вечности стонет в
кране,

автомобильные чик да чирик, кроит брусчатку фура,
одинокое жужужужанье троллейбуса,

двортерьер томно брешет, ему отзываются в конце
концов.

Орден стопки не спит; сестер порицают братья.

(Любой проезжающий автомобиль заставляет свечу
трепетать.)

Русские народные от фонаря

и до Любочки-Юбочки,

а на улице Ключевой все точки закрыты, исключая одну.

Пара сантим в кармане нервничает, ожидая приплода.

Клав! Я теперь живу на улице Твоего сына.

2

«Ежели Алтона – Латинский квартал...»

Ежели Алтона – Латинский квартал,
то здесь подножье Монмартра.
Гей, старина! Анатолий, гей!
Ежели Монмартр – это Агенскалнс,
то здесь Монпарнас.
Не 19, конечно, но 89-6.
Шут с ним, псевдомансарды, сухие сортиры.
Может быть, ты поступил в Академию в 89-м?
Может быть, ты в ней отучился шесть лет?

3

«Тут хорошая аура...»

Тут хорошая аура.
На подоконнике разведу летучих мышей.
На Луговой (а то Полевой) улице наплету веночков.
Скрипку сверчка я настрою так,
как ты захочешь.
И, была не была, отправлюсь в поход за искоркой
рододендрона.

4

«Вентиляционная дырка на кухне...»

Вентиляционная дырка на кухне:

виден дымоход

и, если напрячься, серебряный отвислый ус месяца
(другой, невидимый, полощется в реке Ушуайя или же
в реке Мары,

речка Мары коричневеет от просыпанного табака

«добельман»),

зато зеленеет&зеленеет парк Аркадии.

5

«Тут хорошая аура...»

Тут хорошая аура.

Хотя и залиста́на книга.

Вот она, от кончиков ногтей и до мозга костей настоящая
Рига.

Сквозь сон бредут коровы, поет лосось, блестит чешуя.

Надсадно оса гудит, и другая
дуэтом, как гитара и бас.

Выстраиваются в очередь стихотворения (где взять
столько

свечей?),

и цимес их на вес вполне ощутим.

Рабиндранат Тагорян, индийский факир из Лимбажей,
шпагоглотатели, бродячие кукольники, Карабас
Барабас.

Час призраков определенно минул.

Жаль, мимо касс.

6

«Чует, чует мой нос...»

Чует, чует мой нос.

Мощенная улица с каноническим текстом про яйца.

Цыганский переросток Рингла глядит в окно.

В полуподвале коммерц-парикмахерская «Данас».

О, бойся данайцев!

7

«Светлая кровь с фитиля свечи...»

Светлая кровь с фитиля свечи

скатывается мне на левую руку,

густея.

Пламя и свернувшийся воск.
Кельтский меч в моей правой руке помнит все.
Золотая яблоня.

8

«Инга приснилась. Не Яблонька...»

Инга приснилась. Не Яблонька.
Кацапочка из 9-го «Б» нашей школы.
Смех сквозь слезы, балетные ножки в разношенных
чоботах.
Глаза же сверкают, как месяц май (для
кого?) Портовый ветер в косе. Возбуждает.
Что ж, выпьем, на хальяву – таков мой тост.
Лирический мовизм.

9

«Лирический мовизм...»

Лирический мовизм.
По совместительству сценический реквизит.
Или, изволите видеть, картина без автора.
Все на продажу. Вольера с нетопырями, роскошнейшее
небытие,

или заурядное присутствие в завтра.

10

«“я думаю Ты улыбнешься”...»

«я думаю Ты улыбнешься
бесхитростным этим строчкам
а может быть и поплачешь
над сотней моих чудачеств

на небе свары птичьи
чего им делить спроси их
я знаю что и на крыльях
птицы несут Мессию

гляжу в глазах встали слезы
я думаю Ты улыбнешься
а может быть и поплачешь
за окнами цвета розы»

11

«Филя отнюдь не глуп, но слегка покусан...»

Филя отнюдь не глуп, но слегка покусан.
Прет на рожон порой, порой параллельным курсом.
Филин летает ночью, мышинные ультразвуки;
складывают крылышки чикагские Black Hawks.
Эманацией поля Святого Духа, быстрее света
в миллиард тысяч раз.
Маленькая черная родинка возле уха.

12

«Когда сгорает свеча...»

Когда сгорает свеча,
густой парафиновый запах
приводит сны
и Малую Ночную музыку.

1998.1–3.V

Вольно-плавно

к среде адаптируемся на раз-два-три
все сквознячки знаю а у Кнопочки всех Антонов
чужой среди своих пока

но ворониха лидер ее подери
любому из нас босяков отвалит по три поклона

вот я на ногах уже сейчас побудку заточим
(лишь бы хватило нерва)

едва ли кто угадает
насколько мне очень!

крепкие как чифирь стихи
чисто как маюскулы Гутенберга
и нежно умею записывать как посол средненочья

случается жестко но с кем не случается-то
раз ворониха сидит на заборе в такую минуту
жесткость обернется нежностью прямо как береста
среда зарастет фольклором да и всё тут

был у меня стиш (поэма неоконченная?)
про улицу Ключевую и ее ля-ля, эх, ладно, а-ля Чак?
а-ля Бельман? а-ля кто-то?

а покажется диковато одной воронище
(только без обид!) но ведь можно чтить и так
бытие Твое вольный охотник

1998.26.V

P. S. Той ночью черный кот влез в комнату. Хватит котов!

P. P. S. Завяжу с воронихой. Стану есть капусту и
пропущу

ГЛОТОК.

P. P. P. S. Бог уже наказал меня за это.

27.V

«skål! дни катятся всё больше стороной...»

skål! дни катятся всё больше стороной
в Таллине Катящиеся Камни скоро
так мы в лето разлетаемся зимой
вижу белых мух пчел слышу желто-черных

вот Грааль поэзии серебристо-серебрист
это не металл не рок даже и не танго
нечто бестелесное беспрерывно please
влейте в мой стакан блистающую влагу!

1998.4.VIII

«утром деревья за переплетами окон...»

утром деревья за переплетами окон
с пожелтевшей листвой графически наги
травы кусты но озеро в коконе и не
видны дальние берега

Клод Моне? эффект дымки?

ай! прямиком в февраль

мысль мчится как скорый поезд

как часы девичьи сердечки как монахи
к ночным молитвам или же почерк мой
шероховат неразборчив зато идеален для

грязи топи но Соколица ведь не там
таборные костры дымы уже упомя-
нутые но не там хотя тамтамы велят
да сосенуто но не там

да Соколица где каменный кромлех
и снова дымы и куда? к юрте? вигваму? шатру?
дым из трубок дрожат перья на солнце
и шлифуют кожи на ветру и сушат рыбу
эффект тумана и шельф исчезает и бу-
бен в экстазе транс ворожит шаман

Романс

Она стояла у выхода возле Распятъя
черным-черна обвязавшись двумя платками
кажется один из них был с белой каемкой
лицо девушки только желтое как пергамент

шел на улицу и нащупал в кармане десять сантимов
повернул назад поскольку не должен был умирать
щелочка в кружке волновала как пуп пловчихи с картины

Илзе Нейланд на осенней выставке в «Арсенале»
без возраста лицо желтое но словно у девушки

перекрестила меня тремя перстами
и спросила как зовут
и сказала да хранит меня Господь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.